

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343.232

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.1.57>

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© Забавко Р. А., 2021

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассмотрена трансформация общественной опасности деяний, связанных с антропогенным воздействием на окружающую природную среду. Установлено, что в процессе исторического развития подход к определению их вредности изменился: изначально он был связан с нарушением владельческих прав на природные ресурсы, а в настоящее время с возможностью полного уничтожения или изменения природы. В связи с этим констатировано, что характер общественной опасности экологических преступлений в значительной мере трансформировался. Определены основные виды деяний, которые оказывают негативное воздействие на окружающую природную среду. Установлено, что в значительной мере возросла и степень общественной опасности этих деяний. Отмечено, что трансформация общественной опасности анализируемых деяний произошла за очень короткий промежуток времени и действующий уголовный закон не в полной мере учитывает изменения. Предложены отдельные меры по совершенствованию уголовно-правовой защиты общественных отношений, связанных с сохранением окружающей природной среды и природных ресурсов: учет корыстной мотивации при их совершении, конструирование составов экологических преступлений как составов реальной опасности.

Ключевые слова: экологические преступления, общественная опасность, природные ресурсы, загрязнение, корыстная мотивация.

Общественная опасность деяния является признаком преступления, а ее достаточная степень – одним из оснований криминализации этого деяния. В свою очередь, характер и степень общественной опасности – ее качественная и количественная характеристика – влияют на дифференциацию уголовной ответственности, определение родового, видового и непосредственного объекта и другие обстоятельства.

В то же время общественная опасность – категория исторически изменчивая, причем настолько, что в процессе развития социально-политического и экономического уклада общества некоторые деяния могут ее терять или приобретать, а в отдельных случаях они могут даже становиться общественно полезными. Конечно, большинство деяний имеют стабильную общественную опасность, принципиально не изменяющуюся десятилетиями или даже столетиями. Например, убийство, причинение вреда здоровью, разбой и другие преступления были, есть и, вероятно, всегда будут присутствовать в любых уголовных законах любого государства и иметь примерно те же санкции, что и в современных. Вместе с тем другие деяния, например, связанные с воздействием на окружающую природную среду и природные ресурсы, значи-

тельно трансформировались и воздействуют на общественные отношения иначе, чем относительно небольшое время назад.

На протяжении всей истории человек постоянно находился в состоянии борьбы с природой – она была главным фактором, угрожающим его физической безопасности, человеку для пищи, расширения территории обитания и ведения хозяйственной деятельности постоянно были нужны земли и ресурсы, которые он активно отвоевывал у природы. В этом аспекте особый интерес представляет содержание норм, регулировавших правила воздействия на окружающую природную среду, а также их трансформация.

Так, на Руси история правового регулирования сферы природопользования насчитывает более десяти веков. Первые нормы, заимствованные из древнеславянских обычаев и религиозного культа, были предназначены не столько для защиты окружающей среды от антропогенного воздействия, сколько для систематизации отношений в системе «человек – природа». На этом этапе у людей попросту отсутствовали технологии, которые могли бы оказать значительное негативное воздействие на животноводство и охоту, превалировавшие в экономике первобытного общества. Первые табу были связаны с

посещением определенных мест и ведением там хозяйственной деятельности, прежде всего, ввиду наличия прямой угрозы жизни людей (охотников, собирателей). Отсутствие рациональной картины мира, объясняющей закономерности природных явлений, порождало суеверия и становилось основой запретов и правил поведения. Вместе с тем даже на первоначальном этапе становления древнерусского общества не приветствовалось излишнее потребление, например истребление диких животных.

Первые значимые социальные нормы, ограничивающие воздействие человека на природу, появились с делением общества на классы и были направлены на защиту собственности прав феодалов. Природные ресурсы и земля превратились в ценный ресурс. Несмотря на наличие за восточными рубежами русского государства огромных территорий, богатых лесом, рыбой, зверьми, их освоение было очень затратно экономически – для этого требовались значительные ресурсы и это осложнялось воинственными соседями с юга и востока. В этой связи уже освоенные ресурсы (в том числе земли, леса, дикие животные) являлись собственностью феодалов, самовольный их захват приравнивался к преступлениям против собственности. Так, в ст. 69 Пространной Русской Правды незаконная добыча бобра признавалась его «покражей». Преступлениями против собственности признавались самовольное присвоение пчелиной борти, незаконная рубка деревьев [4, с. 107–109].

Принцип охраны владельческих прав еще длительное время превалировал при правовом регулировании ответственности за посягательства на природные ресурсы, однако постепенно стали появляться нормы, которые учитывали общественный интерес. Так, запрещались самовольные рубки лесов и использование земель для выпаса скота на землях, имевших оборонное значение. Уже в XIV в. эти территории охранялись специальными сторожами, стоявшими на довольствии у государства. Постепенно выделилось три категории главных собственников природных ресурсов – государство, феодалы и церковь (преимущественно в лице монастырей), при этом государство становилось главным собственником, так как природные ресурсы являлись источником пополнения казны от их экспорта (прежде всего, пушнины), а также нуждалось в монополии на их добычу в оборонных целях (например, корабельный лес).

Вместе с тем достаточно большое количество природных ресурсов (прежде всего, древесины) и их доступность в условиях необходимости строительства населенных пунктов привели

к созданию норм, разрешавших пользоваться ими. Так ст. 23 Соборного уложения 1649 г. гласила: «А для дров и для всякого лесу, что надобно будет на становое строение, ездити служилым людем в помесные и в вотчинные леса поволно, а явки с них вотчинником и помещиком, чьи те леса не имати. А в засечные и в ыные заповедные леса им ни почто не ездити, а возити служилым людем дрова и всякой лес на становое строение про себя, а не на продажу». Кроме того, регламентировалась добыча природных ресурсов в районах рек: «прудов новых и плотин, и мельниц не делати, чтобы по тем рекам новыми прудами и плотинами судового ходу не переняти» [4, с. 101].

Общественная опасность деяний, связанных с добычей природных ресурсов, определялась не экологическими, а экономическими интересами. В частности, именно упомянутая нами выше потребность государства в стабильном экспорте природных ресурсов стала причиной издания царской грамоты 1653 г., запрещающей повальное истребление выдры и бобра [4, с. 101]. С теми же целями появлялись царские грамоты и указы, регламентировавшие и ограничивавшие охоту и рыболовство.

Лишь в XIX в., когда воздействие на окружающую природную среду стало угрожать безопасности людей, деяния, связанные с повышенным антропогенным воздействием, были криминализованы: появились некоторые санитарные нормы о загрязнении вблизи крупных городов, за нарушение которых виновные подвергались уголовной ответственности. Вместе с тем вплоть до 1917 г. деяния, связанные с воздействием на окружающую природную среду, воспринимались в большинстве своем как посягающие на владельческие права государства и других собственников. К началу XX в., ввиду фактического отсутствия технологий, способных оказать значимое воздействие на окружающую природную среду и привести к истощению природных ресурсов, деяния, связанные с вмешательством человека в экологические процессы, существенной общественной опасностью не обладали.

Советское государство в корне изменило систему природопользования, закрепив исключительно государственную собственность практически на все природные ресурсы, а деяния, связанные с незаконным завладением природными ресурсами (нарушение правил охраны лесов, незаконная охота и рыбная ловля, разработка недр и т. д.), были отнесены к государственным

преступлениям против порядка управления¹. Общественно опасными фактически признавались нарушения правил пользования природными ресурсами. Последующими изменениями и дополнениями УК РСФСР 1922 г. такой подход получил дальнейшее закрепление².

Это приводило к тому, что экологические преступления нарушали права пользования, владения и распоряжения природными ресурсами, фактически в качестве основного собственника окончательно закрепилось государство.

УК РСФСР 1926 г. подходов к природоохранные коренным образом не изменил и лишь дифференцировал уголовную ответственность за различные преступления, связанные с нарушением правил добычи природных ресурсов, по-прежнему относя их к преступлениям против порядка управления³.

Даже во второй половине XX в., с принятием УК РСФСР 1960 г., составы большей части экологических преступлений находились в гл. 6 УК РСФСР «Хозяйственные преступления», что по-прежнему подчеркивало особые полномочия права собственности государства на природные ресурсы. Вместе с тем в 70–80-е гг. стали появляться первые нормы, учитывавшие значительно возросшую общественную опасность антропогенного воздействия на природу. Это было связано и с рядом техногенных катастроф, и с проявлением накопленного экологического вреда опасных производств, и с все большей доступностью экологически опасных технологий. Так, учитывалась общественная опасность деяний, связанных с загрязнением атмосферного воздуха, почв, вод, морской среды, с использованием экологически опасных веществ и материалов (радиоактивных, бактериологически опасных отходов, микробиологических агентов и токсинов, удобрений и т. д.). Было признано явное увеличение возможностей по изъятию из окружающей среды природных ресурсов – водных биологических объектов, диких животных, древесины.

Вместе с тем обновленные нормы оказались не особенно эффективными. Это было связано

с тем, что государство по-прежнему стремилось защитить свои владельческие права и связывало общественную опасность рассматриваемых деяний по-прежнему с посягательством на собственные владельческие права на природные ресурсы и с нарушением его монополии на воздействие на окружающую среду. Достаточно прогрессивные нормы, направленные на минимизацию общественно опасного воздействия человека на природу, практически не применялись и носили преимущественно декларативный характер.

Несмотря на то что в принятом в 1996 г. УК РФ была выделена самостоятельная глава 26 «Экологические преступления», принципиально подход к уголовно-правовой оценке общественной опасности антропогенного воздействия на природу не изменился.

Во-первых, государство по-прежнему является основным собственником природных ресурсов и стремится защитить именно владельческие права. Это отражается в определении общественной опасности экологических преступлений через стоимость природных ресурсов (причем по своей сути кадастровую, тактовую). В некоторых случаях (как, например, в ст. 256 УК РФ) эта стоимость существенно занижена, что приводит к необоснованному определению огромной массы посягательств на эти ресурсы как деяний малозначительных. В тех же случаях, когда государство по какой-то причине не установило необходимые таксы, привлечение к ответственности вообще невозможно (так, по состоянию на 01.02.2021 нет принятых такс определения размера незаконно оборачиваемой древесины для целей ст. 191¹ УК РФ, в связи с чем она попросту не применяется).

Во-вторых, общественная опасность экологических преступлений связана, прежде всего, с нарушением установленного порядка антропогенного воздействия на окружающую природную среду – превышением лимитов добычи природных ресурсов, ненормативным загрязнением окружающей природной среды и т. д.

В-третьих, санкции за совершение деяний, предусмотренных гл. 26 УК РФ, значительно ниже, чем за посягательство, например, на собственность. С учетом того, что большинство экологических преступлений имеют корыстную мотивацию, это не соответствует принципу справедливости.

Таким образом, на основе анализа развития норм об ответственности за экологические преступления можно сделать вывод о том, что длительное время общественная опасность деяний, связанных с посягательством на окружающую природную среду и природные ресурсы, связы-

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г.: офиц. текст // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

² См., например: О дополнении Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. статьей 87-а: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 26 марта 1928 г.: офиц. текст // СУ РСФСР. 1928. № 36. Ст. 269. Оно закрепило исключительные права собственности государства на землю и ограничения прав пользования, владения и распоряжения на нее граждан.

³ О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22.11.1926: офиц. текст // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

валась с нарушением владельческих прав и монополии государства на антропогенное воздействие на природу. В определенной степени это сохраняется и сейчас. Признать такой подход удовлетворительным нельзя. Так, государственная и негосударственная статистика фиксирует все нарастающие экологические проблемы, деградацию окружающей природной среды, истощение природных ресурсов.

Год экологии в России, которым был объявлен 2017-й, позволил актуализировать проблему охраны природы, катализировал многие вопросы, связанные в том числе и с правоприменительной практикой в области квалификации экологических преступлений и противодействия им. Усиление уголовной ответственности, наблюдающееся в последние несколько лет, обусловлено различными социальными, экономическими, политическими процессами, которые значительно изменили характер и степень общественной опасности антропогенного воздействия на природу. Ориентированная на эксплуатацию природных ресурсов (от крупнейших корпораций до отдельного человека) экономика страны все более активно воздействует на природные процессы – старые риски усиливаются, возникают новые. Кроме того, именно сейчас начали давать о себе знать очаги накопленного экологического вреда экономики СССР, угрожая локальными и даже глобальными экологическими катастрофами.

Первым сигналом признания государством указанной выше проблемы нарастающей общественной опасности антропогенного воздействия стала криминализация «критических» вариантов деяний, совершение которых даже единично способно существенно ухудшить состояние природы. Пример – введенная в 2013 и измененная в 2018 г. ст. 258¹ УК РФ, криминализовавшая незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

Были внесены и иные изменения и дополнения, которые повысили качества правового регулирования уголовной ответственности за экологические преступления, однако все они имеют лишь сегментарный характер. Самое главное – не решается основная проблема, суть которой в затянувшемся переходе экономики и всего общества к новой формации, где увеличивалась бы ценность окружающей природной среды, а основным источником повышения эффективности экономики становились бы не ее ресурсы, а информация и коммуникация, эф-

фективные энергосберегающие производства. С одной стороны, значительно усовершенствовались технологии разработки природных ресурсов (и вообще антропогенного воздействия на природу), с другой – не возникла культура использования этих технологий.

В таких условиях существенно увеличивается общественная опасность деяний, так или иначе затрагивающих природу, следовательно, повышается и роль уголовного права: требуются новые уголовно-правовые инструменты защиты окружающей природной среды [3, с. 65].

Систематизируем основные опасности, которые исходят от деяний, связанных с воздействием на окружающую природную среду и с эксплуатацией природных ресурсов, уголовно-правовое воздействие на которые существующими механизмами затруднительно или невозможно.

1. Экологический экстремизм. Экстремизм как таковой является одним из негативных явлений общества, он обусловлен наличием ряда социальных проблем, таких как бедность, неграмотность, низкое качество жизни, девиация, политическая и социальная нестабильность и т. д., которые порождают крайние идеологические и религиозные течения, призывающие к физическому уничтожению оппонентов и вообще взаимодействию с ними с позиции силы. Приверженцами экологического экстремизма становятся как представители технократии, стремящиеся подчинить природу человеку, заключить ее в жесткие рамки технологий и полностью контролировать, уничтожив все враждебные людям живые организмы и экологические системы, так и крайние экологические активисты, которые призывают к полной ликвидации экологически опасных производств, к «возвращению» к истокам природы, переходу к экстенсивному развитию.

2. Экологический терроризм. Является крайней формой экологического экстремизма либо экстремизма в иных сферах и состоит в совершении террористических актов, объектом которых становятся природные объекты либо объекты, эксплуатация которых имеет повышенные экологические риски (атомные, гидроэлектростанции, электростанции, химические, бактериологические заводы, лаборатории и т. д.) [1, с. 55].

3. Загрязнение окружающей природной среды и нарушение правил обращения с отходами. Несмотря на то что в уголовном законодательстве нормы, устанавливающие ответственность за загрязнение окружающей среды, присутствуют уже давно, основными субъектами этих преступлений практически до настоящего вре-

мени были исключительно должностные лица крупных заводов, теплоэлектростанций и т. д. Вместе с тем развитие и доступность технологий, в результате которых образуются отходы высокой степени экологической опасности, отсутствие развитой инфраструктуры их утилизации привели к тому, что практически каждый человек может оказать весьма значительное воздействие на окружающую среду. Все чаще в процессе производства применяются высокотоксичные вещества и материалы, а в сельскохозяйственной деятельности – удобрения и стимуляторы роста, которые имеют высокую опасность для природы.

4. Изъятие природных ресурсов из окружающей среды. Рыболовство, добыча иных водных биологических ресурсов, охота, рубка лесных насаждений в последние годы также все чаще производится с применением высокоэффективных технологий – высокопроходимого, а в последние годы и беспилотного транспорта, высокоточного оружия, автоматических ловушек и т. д. Это в значительной степени сократило энергетические и временные затраты на изъятие природных ресурсов из окружающей среды, практически нивелировало их шансы на спасение. Как правило, природные ресурсы изымаются до степени полного исчезновения. Если ранее, например, для сплошных рубок лесных насаждений ресурсы имело только государство, то сейчас создана эффективная сеть, позволяющая очень оперативно и с минимальными затратами доставлять древесину из места рубки к конечному потребителю (часто даже через государственную границу).

5. Воздействие на удаленные, особо охраняемые и критические экологические системы (морская среда, в том числе и морское дно, природоохранные территории, территории чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия). Использование этих территорий часто особенно выгодно для преступников, так как в них сосредоточены повышенные запасы ресурсов, они удалены от населенных территорий, на них снижена естественная сопротивляемость живых организмов антропогенному воздействию, часто отсутствует контроль и т. д.).

6. Хищение природных ресурсов. Несмотря на то что уголовно-правовая доктрина исключает учет корыстного мотива при квалификации экологических преступлений, в последние годы именно он стал преобладающим при совершении указанных преступлений. Это связано с тем, что совершение экологических преступлений приносит максимальную экономическую выгоду виновным при минимальных затратах и рисках. В ситуации, когда ответственность за

хищение природных ресурсов исключена, деятельность, связанная с их изъятием из окружающей среды, совершаемая с корыстными целями, становится экономически выгодной.

Практически все из перечисленных выше экологических угроз в настоящее время формально купированы нормами гл. 26 УК РФ. Вместе с тем статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел и осужденных за совершение экологических преступлений лиц свидетельствуют о невысокой их эффективности [2, с. 196]. Принимая во внимание высокую латентность данной группы преступлений (по некоторым составам она близка к 100 %), отметим, что часто проблемы противодействия им связаны именно с отсутствием учета реальной общественной опасности рассматриваемых деяний. Об этом свидетельствует, в частности, практика назначения наказаний за их совершение: как правило, применяется штраф (в размере не более 50 % от максимального), обязательные, исправительные работы, лишение свободы на определенный срок (с назначением его условно)¹.

Отдельного внимания заслуживает отсутствие уголовной ответственности за хищение природных ресурсов. Как уже было сказано выше, большинство таких преступлений совершается с корыстной мотивацией, а в условиях их высокой латентности, при отсутствии наказаний, реально соответствующих характеру и степени их общественной опасности, их совершение становится очень выгодным. Между тем неразрешимых проблем криминализации таких преступлений нет, о чем свидетельствуют, в частности, отдельные решения правоохранительных органов. Так, приговором Гурьевского городского суда Кемеровской области от 25 февраля 2020 г. № 1-95/2020 по делу № 1-95/2020 гр. Ч. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 260, ч. 1 ст. 191¹, ч. 1 ст. 158 УК РФ. Совершив незаконную рубку лесных насаждений, гр. Ч. похитил срубленные деревья, а затем хранил, перевозил и перерабатывал их с целью сбыта. Суд справедливо посчитал, что незаконно добытая древесина остается в собственности государства и ее обращение в свою пользу является хищением². В данном примере суд учел реальную общественную опасность рассматриваемых преступлений.

Учет общественной опасности преступлений, связанных с загрязнением окружающей

¹ Данные о состоянии судимости в Российской Федерации за 2011–2020 годы. Статистические формы 10.1, 10.3.1, 10-а. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.02.2021).

² Приговор Гурьевского городского суда Кемеровской области № 1-95/2020 от 25 фев. 2020 г. по делу № 1-95/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GRoL8qumgRgW/> (дата обращения: 01.02.2021).

природной среды и с нарушением правил обращения с отходами, может быть произведен изменением конструкций их составов. В настоящее время большинство этих составов сконструированы как материальные и, следовательно, для квалификации оконченного преступления требуется наступление общественно опасных последствий. Оценивать такие деяния как покушения на преступления нельзя, так как содеянное при отсутствии указанных последствий подпадает под квалификацию соответствующих административных правонарушений. Вместе с тем подход, примененный при конструировании состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 247 УК РФ, который сформулирован как состав реальной опасности, доказал свою дееспособность. Это позволило организовать эффективную уголовно-правовую охрану окружающей природной среды от производства запрещенных видов опасных отходов, а также нарушений правил обращения радиоактивных, бактериологических, химических веществ. Полагаем, применение такого подхода было бы эффективно при установлении ответственности за деяния, которые сопряжены с использованием потенциально опасных экологических технологий.

Тем самым общественная опасность экологических преступлений существенно трансформировалась в динамике социальных отношений. Изначально вредоносность этих преступлений связывалась с нарушением владельческих прав (в связи с чем было криминализовано только нарушение правил добычи природных ресурсов), затем, по мере развития технологий, эта вредоносность появилась и у загрязнения окружающей природной среды, и у нарушения правил обращения с отходами. В настоящее время вновь требуется учет корыстной мотивации, а также изменение конструкции составов данных преступлений (с тем, чтобы использование экологически опасных технологий квалифицировалось как оконченное преступление уже в момент появления реальной угрозы наступления общественно опасных последствий).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева А. П., Анисимов А. П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 54–58.

2. Богданова Э. Ю. К вопросу об эффективности уголовно-правовой охраны окружающей среды // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. С. 194–196.

3. Кузнецова Н. И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 64–69.

4. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / под ред. В. Л. Янина. 432 с.

REFERENCES

1. Alekseeva A.P., Anisimov A.P. "Ekologicheskij terrorizm" i "ekologicheskij radikalizm" v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranichenie ponyatij ["Ecological terrorism" and "ecological radicalism" in the doctrine and legislation of Russia: differentiation of concepts]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 2 (65), pp. 54-58. (in Russian)

2. Bogdanova E.Yu. K voprosu ob effektivnosti ugovolno-pravovoj ohrany okruzhayushchej sredy [On the question of the effectiveness of criminal law environmental protection]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i process* [Socio-economic phenomena and processes], 2014, no. 11, pp. 194-196. (in Russian)

3. Kuznecova N.I. Obshchestvennaya opasnost' ekologicheskikh prestuplenij: kriminologicheskij aspekt [Social danger of environmental crimes: criminological aspect]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian legal review], 2018, no. 1, pp. 64-69. (in Russian)

4. Chistyakov O.I. (ed.). *Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov: teksty i kommentarii* [Russian legislation of the X-XX centuries: texts and comments]. In 9 vol. Vol. 1. Legislation of Ancient Rus]. Moscow, Legal Literature Publ., 1984, 432 p. (in Russian)

Public Danger of Ecological Crimes in the Dynamics of Society

© Zabavko R. A., 2021

The transformation of public danger of environmentally hazardous acts is considered. It has been established that in the process of historical development, the approach to determining their harmfulness has changed: previously it was associated with the violation of ownership rights to natural resources, and now it is associated with the possibility of complete destruction or change of nature. It is stated that the nature of the public danger of environmental crimes has greatly changed. The main actions that have a negative impact on the natural environment have been identified. It has been established that the degree of social danger of these acts has greatly increased. It is noted that the transformation of the public danger of the analyzed acts occurred in a very short period of time, and the current criminal law does not take into account the changes in full. Special measures are proposed to improve the criminal law protection of the environment and natural resources: taking into account the selfish motive when committing them, the formation of elements of environmental crimes as compounds of real danger

Keywords: environmental crimes, social danger, natural resources, pollution, selfish motivation.